

Глава 19

Цинь Цзинцзин пропала.

Все разбились на группы и бросились искать её по всей территории школы.

Шуйсин, совершенно потеряв голову от паники, причитала:

— Она же такая трусиха, ну куда она могла пойти? Да она даже из комнаты без меня не выходила!

Они только что вышли из административного корпуса. Был субботний день, поэтому на школьном дворе стояла мёртвая тишина — эта пустота пугала до мурашек.

Гу Мэн застыл у дверей. Подперев бока руками, он огляделся по сторонам, явно разделяя общую тревогу.

— Попробуй набрать её ещё раз, — предложил он.

В этом безумном, вывернутом наизнанку мире бесследное исчезновение живого человека обычно не сулило ничего хорошего. Скорее всего, случилась беда.

Шуйсин торопливо вытащила телефон-раскладушку, но не успела набрать номер — пришло сообщение от Бо Е:

«Нашли».

Цинь Цзинцзин всё это время находилась на пожарной лестнице общежития, на пролёте между пятым и шестым этажами. Первым её обнаружил Сюй Син.

Девочка лежала там тихо и неподвижно. Её глаза были плотно закрыты, кожа казалась бледнее штукатурки, а под головой медленно запекалась тёмно-багровая лужица крови.

Гу Мэн опустил веки. Помолчав немного в знак скорби, он снял школьный пиджак и аккуратно накрыл им тело погибшей.

При виде предыдущих трупов он испытывал лишь леденящий ужас и тошноту, но сейчас его сердце сжала тихая, глубокая тоска. Эта девочка всегда говорила едва слышным, робким голоском, вела себя тише воды, ниже травы и никогда никому не желала зла. Но даже это не уберегло её от жестокой участи.

Шуйсин, державшаяся за перила, медленно опустилась прямо на ступени. Пока они искали подругу, она металась в панике, но теперь, когда всё кончилось, вдруг затихла. С тупым оцепенением глядя на тело, она пробормотала:

— Кто же... — но тут же осеклась и опустила голову, так и не закончив фразу.

Сюй Син стоял у двери пожарного выхода чуть выше по лестнице. Поправив очки, он сокрушённо вздохнул:

— Да кто ещё это мог быть... В этом месте убивать способна только Чуньцзы.

Юй Мэнмэн долго, не отрываясь, смотрела на труп вниз, а затем вдруг неестественно, истерично рассмеялась. Её хохот становился всё громче, безумным эхом раскатываясь по бетонным пролётам.

— Заткнись, ненормальная! — Чжан Гоцян яростно нахмурился и зыркнул на неё.

— Мы все умрём! Все до одного! — завывая от смеха, Юй Мэнмэн толкнула дверь пожарного выхода и выскочила в коридор.

Тан Чжи слегка склонил голову набок, заинтригованный увиденным.

— Странно... — тихо прошептал он сам себе. — Всё совсем иначе. У неё нет рваных ран, да и метка за ухом отсутствует.

Стоявший рядом Бо Е легонько сжал его ладонь и принялся неторопливо выводить кончиком пальца на его коже очертания одного иероглифа.

Тан Чжи широко распахнул свои ясные глаза и мгновенно всё понял. Он вопросительно взглянул на партнёра.

Бо Е лишь едва заметно качнул головой, а в глубине его глаз промелькнула холодная усмешка.

Гу Мэн обернулся к остальным мужчинам:

— Нельзя оставлять её здесь.

Чжан Гоцян молча кивнул. Хмуро засучив рукава, он стал спускаться по ступеням:

— Надо найти место и похоронить.

В этот момент тяжёлая дверь на лестничную площадку со скрипом приоткрылась.

Все подняли головы. В проёме показалась учительница Сяюй: в одной руке она сжимала указку, а к груди прижимала классный журнал.

— Здравствуйте, ребята, — её миловидное личико сияло приветливой улыбкой. Окинув присутствующих взглядом, она замерла, уставившись на лежащую внизу Цинь Цзинцзин. В её глазах вспыхнул хищный, алчный блеск. — Надо же, а сегодня ученица Цинь Цзинцзин ведёт себя ещё тише обычного.

Чжан Гоцян и Гу Мэн обменялись многозначительными взглядами. На их лицах отразилось сложное чувство — они совсем позабыли, что в этой чёртовой игре есть своя похоронная команда.

Сюй Син, которому явно не хотелось присутствовать при том, что сейчас произойдёт, нервно огляделся и шагнул к выходу:

— Я, пожалуй, пойду.

Учительница Сяюй, звонко цокая тонкими каблуками-шпильками, начала медленно спускаться по бетонным ступеням. Чжан Гоцян поспешил вжаться в стену, уступая ей дорогу.

Однако женщина внезапно замерла на полпути.

Она заторможенно, словно кукла, моргнула и перевела взгляд вниз. Чья-то тонкая бледная ручка крепко вцепилась в её предплечье.

Шуйсин подняла полные боли глаза, мельком взглянула на мёртвое тело подруги и глухо произнесла:

— Мы сами обо всём позаботимся. Уходи. Она тебе не достанется.

Учительница промолчала. Лишённое привычной фальшивой улыбки, её лицо казалось безжизненной, пугающей маской. В воздухе повисло гнетущее, удушливое напряжение. Остальные игроки затаили дыхание, с тревогой ожидая, чем обернётся эта безрассудная выходка.

Но вдруг Сяюй рассмеялась. Она резким движением высвободила руку и, не проронив ни слова, развернулась и пошла вверх по лестнице.

Гу Мэн со вздохом облегчения согнулся и бережно приподнял тело погибшей, после чего повернулся к Шуйсин:

— Спасибо.

Уберечь тело бедной девочки от надругательства — пожалуй, единственное благородное дело, которое они ещё могли для неё совершить.

Шуйсин лишь покачала головой. Сжавшись в комок, она спрятала лицо в ладонях и тихо, невнятно прошептала:

— Пожалуйста... похороните её по-человечески.

Мужчины отыскиали за зданием общежития небольшой пустырь и принялись копать могилу.

Спустя какое-то время Сюй Син, тяжело дыша, опёрся на лопату и разогнул спину. На его лице читалось явное недовольство:

— Слушайте, а смысл возиться? Мы же не в реальности. К чему устраивать этот фарс с похоронами...

— Не хочешь — проваливай, — сухо оборвал его Бо Е. — Пусть это и иллюзорный мир, мы всё ещё остаёмся людьми.

Человеческое общество держится на культуре, частью которой всегда были ритуалы.

Сюй Син что-то недовольно проворчал сквозь зубы, но спорить не решился и неохотно вернулся к работе.

Гу Мэн, плотно сжав губы, продолжал упрямо бросать землю лопатой, пропустив жалобы парня мимо ушей.

Когда яма была готова, Гу Мэн вместе с Эньцзином бережно подняли завернутое в куртку тело. Но стоило им начать опускать его на дно могилы, как из-под накинутой ткани выскользнула тонкая бледная рука покойной и безжизненно качнулась в воздухе.

— Стойте! — внезапно выкрикнул Тан Чжи.

Под удивлёнными взглядами товарищей он быстро шагнул вперёд, опустился на колени у края могилы и осторожно взял Цинь Цзинцзин за запястье, повернув его тыльной стороной вверх.

На бледной коже у локтевого сгиба темнел едва различимый синеватый символ. Он напоминал старую, выцветшую татуировку — настолько блёклую, что её легко можно было принять за обычный синяк.

Гу Мэн, стоявший ближе всех, присмотрелся к знаку и потрясённо выдохнул:

— «Защитник»?

По дороге обратно к жилому корпусу Чжан Гоцян шёл чуть впереди, отряхивая пыль с одежды и лениво переговариваясь с Сюй Сином:

— Цинь Цзинцзин пальцем никого не тронула, а её всё равно пришили. Теперь я точно уверен: никакой системы здесь нет. Нас убивают совершенно случайно.

Сюй Син же после того, как увидел символ на руке покойной, заметно помрачнел и шёл погружённый в свои невесёлые думы. На слова спутника он лишь вяло угукнул, даже не пытаясь спорить. Зато он осторожно оглянулся на шедших позади ребят и, повернувшись обратно, вкрадчиво шепнул Чжан Гоцяну:

— Отлично. Как раз осталось четверо.

Чжан Гоцян на мгновение задумался, соображая, к чему тот клонит, после чего его лицо исказила сложная гримаса:

— Тогда... нечего время терять.

Солнце уже клонилось к закату. Пышные перистые облака над крышами учебных корпусов окрасились в нежные розовато-оранжевые тона, напоминая акварельный набросок — чистый, почти по-детски безмятежный.

Бо Е и Тан Чжи не стали заходить к себе в шестьсот восемнадцатую, а напрямик направились в соседнюю комнату к Гу Мэну.

Как только за ними защелкнулся замок, Гу Мэн сразу перешёл к делу:

— Говорите прямо, что случилось.

Бо Е, засунув руки в карманы брюк, неторопливо прохаживался у старой парты погибшей Чуньцзы, пристально её разглядывая. Вдруг он выдал совершенно неуместный вопрос:

— Слушай, а у каждого китайского школьника обязательно должен быть сборник «Пять-три»?

Игнорируя его странные изыскания, Гу Мэн придвинул стул, сел и обратился напрямую к Тан Чжи:

— Если Цзинцзин мертва, значит ли это, что никаких строгих правил выживания в игре попросту нет?

Тан Чжи прислонился спиной к дверце шкафа и негромко произнёс:

— Смерть Цзинцзин нельзя брать в расчёт.

— Но почему? — опешил Гу Мэн.

— Её убил не игровой монстр, — ровным, леденящим тоном ответил юноша. — Это было умышленное убийство. Дело рук одного из нас.

Гу Мэн онемел от шока, во все глаза уставившись на Тан Чжи.

Тем временем Бо Е снял со стены деревянную рамку со стеклом. Внутри лежал поздравительный плакат, который одноклассники подарили Чуньцзы на прошлый день рождения. Вся бумага была пестро расписана пожеланиями — десятки разных почерков, яркие фломастеры, хаотичные каракули.

Ткнув рамкой в плечо сидевшего рядом Эньцзиня, Бо Е подразнил его:

— Эй, умник, ты же у нас ночами напролёт словарь штудлируешь. Иероглифы-то все разобрать сможешь?

Эньцзинь бросил короткий безучастный взгляд на плакат и спокойно кивнул:

— Похоть.

— Что?

Бо Е растерянно моргнул, собираясь переспросить, но его перебил ошарашенный голос Гу Мэна:

— Да кому вообще могла помешать несчастная Цзинцзин? За что её убивать?

Тан Чжи скользнул взглядом по Эньцзиню:

— Сейчас в живых осталось восемь человек. Чтобы завладеть классным журналом, нужно собрать половину голосов. Та сторона упорно пытается выставить кандидатуру Эньцзиня на вылет.

До Гу Мэна наконец дошёл весь цинизм ситуации. Он не сдержался и грязно выругался:

— Твари неблагодарные... — Но тут же осознал масштаб угрозы и резко вскочил на ноги: — Подожди, но ведь теперь у них большинство! Они же добьются своего! Что нам делать с Эньцзинем?

— Силы равны, четыре на четыре. У них нет численного преимущества, если только они не избавятся от кого-то из нашей четвёрки, — Бо Е небрежно привалился к краю стола, не отрывая взгляда от разноцветного плаката. — Если они выдвинут Эньцзиня, мы в ответ выставим кандидатуру Сюй Сина.

Гу Мэн призадумался. В этом действительно был смысл. Их силы разделились поровну: четыре человека в их коалиции против четырёх в заговоре Сюй Сина. Если они заранее договорятся проголосовать против этого очкарика, голоса разделятся поровну. В случае ничьей последнее слово останется за учительницей Сяюй. А если сам Сюй Син не захочет рисковать головой, ему придётся пойти на попятную. Пока они удерживают равновесие четыре на четыре, заговорщики не смогут диктовать свои условия.

Гу Мэн снова опустился на стул, но тут же нахмурился от недоумения:

— Но почему именно Сюй Син? При чём тут он?

— Потому что это он убил Цинь Цзинцин, — бесстрастно уронил Бо Е.

У Гу Мэна отвалилась челюсть. Шокирующие новости сыпались одна за другой:

— Да с чего... с чего ты это взял?

Бо Е небрежно бросил рамку обратно на колени Эньцзиню и скрестил руки на груди, с интересом наблюдая за реакцией собеседника:

— Тебе не показалось странным, в каком состоянии мы нашли тело? Ни единой рваной раны, никаких следов когтей Чуныцзы. Только травма затылка от падения.

Когда они стояли на лестнице, Гу Мэна тоже царапнула мысль, что тело было слишком целым. Но горечь утраты и общая суматоха заглушили подозрения.

Теперь пазл в его голове начал складываться:

— Выходит, она либо сама оступилась и покатила по ступеням, либо её кто-то целенаправленно толкнул.

— В точку, — Бо Е щелкнул пальцами. — Любой здравомыслящий человек подумал бы именно так.

— Но вспомни, как повёл себя очкарик, — добавил Тан Чжи. — Когда Шуйсин только начала спрашивать «Кто это...», он тут же встрял и заявил, что это дело рук Чуныцзы.

— Именно, — хмыкнул Бо Е. — Откуда ему было знать, о чём собиралась спросить Шуйсин? Может, её интересовало, кто обнаружил тело, или... — он шутливо пожал плечами, кривляясь, — ...кто послал её на эту встречу?

Гу Мэн только устало закатил глаза.

Эньцзинь, до этого лениво крутивший рамку в руках, внезапно изрёк:

— В словаре на этот счёт есть отличная идиома: «На воре и шапка горит».

Бо Е удивлённо приподнял бровь, покосившись на него:

— Ого. А ты, оказывается, не совсем безнадёжен.

Эньцзинь недовольно насупился:

— А кто утверждал обратное?

Остальная троица предпочла дружно промолчать, уставившись в потолок.

Гу Мэн прекрасно понимал логику ребят. Суй Син всегда отличался осторожностью и расчётливостью. Он ни за что не стал бы с ходу утверждать, что это убийство, проигнорировав банальный несчастный случай. Единственная причина такой поспешности — он заранее приготовил козла отпущения в лице Чуныцзы. Стоило Шуйсин заикнуться о виновнике, как он тут же выдал домашнюю заготовку.

— Сумасшедший дом... — Гу Мэн сокрушённо покачал головой. На душе было паршиво.

Бо Е тихо усмехнулся:

— Уважаемый учитель Гу, добро пожаловать в реальность. Здесь вам не детский сад с розовыми пони.

Вспомнив недавнюю реплику Эньцзиня, Бо Е снова повернулся к нему:

— Так что ты там говорил про иероглиф? «Похоть»?

— Именно, — Эньцзинь протянул ему рамку. — На плакате скрыт этот знак. — Заметив недоумение на лице товарища, он уточнил: — Тот самый, который означает блуд и разврат.

Бо Е забрал рамку и внимательно прищурился.

Тан Чжи и Гу Мэн, заинтригованные его поведением, тоже придвинулись поближе.

Они втроем битых пять минут вглядывались в аляповатые, разноцветные надписи, но так и не смогли разглядеть злополучный знак.

— Где он? Я в упор ничего не вижу, — проворчал Гу Мэн.

Тан Чжи тихонько шепнул на ухо Бо Е:

— А он точно читать умеет?

В этот момент Эньцзинь тяжело, разочарованно вздохнул.

Все трое дружно уставились на него. На лице Эньцзиня читалось такое искреннее сожаление об их умственных способностях, словно он мысленно поставил им диагноз «неизлечимы».

Ребята почувствовали себя крайне глупо — быть оплётанными местным дурачком оказалось сомнительным удовольствием.

Эньцзинь перевернул рамку в руках Бо Е вверх тормашками и провёл пальцем по линиям, выведенным жёлтым маркером:

— Словарь Синьхуа, страница пятьсот девяносто восемь, правая колонка, первый иероглиф сверху. «Похоть».

Следя за движением его пальца, троица наконец разглядела скрытый узор. Среди пёстрого хаоса поздравлений действительно таилось зашифрованное послание.

Фразы, выведенные жёлтыми чернилами, были расположены с пугающей математической точностью. Если мысленно соединить их в единую фигуру, на весь лист проступал огромный, уродливый иероглиф «□».

В груди у Гу Мэна шевельнулся липкий страх.

— Может... может, это просто дурацкое совпадение? — выдавил он, отчаянно цепляясь за здравый смысл.

Тан Чжи и Бо Е лишь переглянулись, погрузившись в молчание.

Гу Мэн тоже затих. В голове медленно кристаллизовалось страшное осознание: класс 3-А никогда не был дружной и любящей семьёй, какой пытался казаться.

И вдруг Тан Чжи и Бо Е одновременно вскинули головы. Их глаза лихорадочно блестели.

— Я понял! — воскликнул юноша.

— Вакаримасита, — выдохнул Бо Е.

<http://bllate.org/book/19652/1983875>